

О некоторых конституционно-правовых проблемах в защите права на медицинскую помощь.

Научный руководитель – Салихов Дамир Равильевич

Хечинашвили Таисия Георгиевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: tatsa@inbox.ru

Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (статья 2); каждый имеет право на жизнь и право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 20, часть 1; статья 41, часть 1). К числу неотъемлемых прав человека относится и закрепленное статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем понятием "физическая неприкосновенность" охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека.[1]

Как гарантируемое государством право на личную неприкосновенность соотносится с правом на охрану здоровья и медицинскую помощь?

Как соотносятся ст. 8 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и указанные положения Конституции Российской Федерации?

По смыслу определения Конституционного суда в ситуации, когда близкие родственники не осведомляются работниками учреждения здравоохранения об их намерениях в трансплантации органов из тела погибшего нет нарушения ни права личную неприкосновенность, ни права на медицинскую помощь, так как российский законодатель избрал модель презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти. [2] Существует так же концепция «информированного согласия», при которой изъятие органов допустимо только в случае, когда оно (явно) разрешено, то есть, когда получено или согласие донора при его или ее жизни, или согласие родственников. Данная концепция применяется в некоторых европейских государствах, например Латвийской Республике.

Можно ли говорить о «полной информированности людей» и «беспрепятственной возможности по пути несогласия», отмеченных Конституционным Судом Российской Федерации в ситуации с трансплантацией органов и (или) тканей человека в реалиях современной России? [3] Как с помощью законодательства можно разрешить этот вопрос?

На данный момент на стадии рассмотрения находится законопроект, внесенный в Государственную Думу 17 марта 2016 года, № 1019961-6 «О внесении изменения в статью 8 закона Российской Федерации «О трансплантации органов и(или)тканей человека» в части информирования близких умершего о намерении изъятия органов и(или)тканей для трансплантации». Предложившие законопроект депутаты Госдумы Сергей Фургал, Владимир Сысоев и Ярослав Нилов считают, что учреждения здравоохранения обязаны сообщать близким родственникам умершего о намерении изъять у него органы и (или) ткани для пересадки. Причем сделать это они должны в течение 12 часов с момента смерти человека. [4]

Правительством Российской Федерации данный проект не поддерживается со ссылкой на модель презумпции согласия и статью 47 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" в соответствии с которой совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.[5]

Как подобные разногласия разрешаются Европейским судом по правам человека? Подобное дело было рассмотрено Европейским судом по правам человека (Элберте против Латвийской республики), которое касалось изъятия тканей из тела умершего мужа заявительницы судебно-медицинскими экспертами без согласия заявительницы и без ее уведомления об этом. Следователи, рассматривая данное дело полагали, что в статье 2 Закона дано четкое указание на то, что правовая система Латвийской Республики более тяготеет к концепции "информированного согласия", и, следовательно, изъятие было допустимо только в случае, когда оно (явно) было разрешено, то есть, когда было получено или согласие донора при его или ее жизни, или согласие родственников. По делу (Элберте против Латвийской Республики) было установлено нарушение статей 3 (жестокое и унижающее достоинство обращение) и 8 (уважение семейной жизни) Европейской Конвенции прав человека.[6]

На мой взгляд, в развитом демократическом социальном государстве не должно быть таких конфликтных ситуаций между существованием двух важнейших прав человека, таких как неприкосновенность личности и права на оказание медицинской помощи. Вопросы трансплантации и прочие медицинские вмешательства могут вступать также и в прямой конфликт с запретом на жестокое и унижающее достоинство личности обращение, а также уважение семейной жизни. Касаемо этой проблемы, необходимо создать в целях соблюдения баланса прав и законных интересов доноров и реципиентов более детальной (как на законодательном уровне, так и в подзаконных нормативных актах) регламентации вопросов, связанных с реализацией гражданином либо его близкими родственниками или законными представителями права заявить письменно или устно о несогласии на изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, а также развития и совершенствования механизмов информирования граждан о действующем правовом регулировании.[7]

Источники и литература

- 1) Дело «Элберте против Латвийской республики» (жалоба N 61243/08) Постановление Европейского суда по правам человека
- 2) Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 23.05.2016)

- 3) Законопроект, внесенный в Государственную Думу 17 марта 2016 года, № 1019961-6 «О внесении изменения в статью 8 закона Российской Федерации «О трансплантации органов и(или)тканей человека» в части информирования близких умершего о намерении изъятия органов и(или)тканей для трансплантации»
- 4) Определение Конституционного Суда от 10 февраля 2016 г. N 224-О
- 5) Определение Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. N 459-О
- 6) Особенности правовых норм, регулирующих отношения, возникающие у медицинского учреждения в связи со смертью пациента. Панов А.В. 2010
- 7) Постановление Европейского Суда по делу "Салахов и Ислямова против Украины" (Salakhov and Islyamova v. Ukraine) от 14 марта 2013 г., жалоба N 28005/08, § 199
- 8) Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"